

Глава 24

— Это уже ни в какие ворота не лезет! Всего две недели с начала семестра, а в вашем классе столько оболтусов, игнорирующих домашнее задание!

Учитель физики с силой хлопнул ладонью по столу:

— Линь Ци!

Услышав свое имя, Линь Ци содрогнулся и медленно поднялся с места.

— Староста называется! Подаешь остальным «прекрасный» пример? А ну марш в конец класса, будешь слушать урок стоя! — Учитель властным жестом указал на задние ряды.

Понурился, Линь Ци отодвинул стул и, прихватив учебник вместе со вчерашним пустым бланком теста, побрел в конец кабинета.

Стоило ему занять место у стены, как в поле зрения возникли чьи-то ботинки, перепачканные подсохшей грязью. Если бы Линь Ци осмелился поднять взгляд выше, он увидел бы бесконечно длинные ноги, которые, казалось, упирались в самый горизонт его опущенного взора.

Пока физик, брызжа слюной, распекал нерадивых учеников, Мэн Хуэй, вольготно развалившись за партой, повернул голову к Линь Ци и вкрадчиво прошептал:

— И это наш «топ-десять» класса?

Линь Ци промолчал, стиснув зубы. Подумаешь, один раз не сделал домашнее дело! На каждом экзамене он стабильно входил в тройку лучших! Какое право имел этот недоучка, даже не окончивший школу, насмеяться над ним?

Однако развязное поведение Мэн Хуэя, который то и дело вытягивал ноги прямо перед носом Линь Ци, не осталось незамеченным.

— Эй ты, новенький! — рявкнул учитель физики. — А ну встать!

Линь Ци злорадно усмехнулся про себя. Так тебе и надо, хулиган, смейся дальше.

Мэн Хуэй лениво поднялся.

После очередной порции импровизированного «рэпа» на тему дисциплины учитель вынес окончательный вердикт:

— Не желаешь слушать сидя — отправляйся к старосте! Будете стоять вдвоем!

Улыбка мгновенно сползла с лица Линь Ци.

Мэн Хуэй, не говоря ни слова, шагнул к нему и встал вплотную. Его плечо как бы невзначай задевало руку Линь Ци, отчего тот невольно поежился и попытался отодвинуться.

— Чего вы там жметесь друг к другу? — Учителю и это не понравилось. — Встаньте порознь!

«Золотые слова, учитель!» — мысленно поддержал его Линь Ци.

— Учитель, я только сегодня пришел, у меня нет теста. Приходится смотреть в его листок, — Мэн Хуэй нашел оправдание настолько безупречное, что даже физику нечего было возразить. Тот лишь махнул рукой, молчаливо соглашаясь.

Линь Ци поразился такой наглости. Использовать учебу как прикрытие для своих сомнительных целей? Он внутренне подобрался, решив во что бы то ни стало хранить верность своему целомудрию. Он ни за что не предаст Ду Чэнбина!

Они вдвоем держали большой лист теста формата А3: каждый тянул за свой край. Линь Ци с каменным лицом сверлил глазами строчки, а Мэн Хуэй, делая вид, что вникает в условия задач, краем глаза наблюдал за ним.

«Какие красивые глаза... Длинные ресницы, чистый взгляд. Жаль, что позже он спрячет их за очками, и этот блеск сменится холодной дистанцией».

Мэн Хуэй потянул бумагу на себя, отодвигая ее подальше.

Линь Ци, чье нынешнее тело страдало легкой близорукостью, прищурился, пытаясь разобрать мелкий шрифт. Он хотел было наградить Мэн Хуэя испепеляющим взглядом, но, испугавшись, что этот матерый пройдоха выкинет что-нибудь еще более непредсказуемое, ограничился лишь коротким косым взором. Для Мэн Хуэя же этот жест выглядел как невинное и чертовски милое кокетство.

Для образцового ученика стоять в конце класса и без того было позором, поэтому Линь Ци решил не нагнетать обстановку. Весь урок он стоически шурился в листок, а едва прозвенел звонок — бросил его и поспешил к своему месту, чтобы уткнуться лицом в сложенные руки.

Глаза нещадно болели.

Мэн Хуэй остался стоять на месте, сжимая в руке одинокий уголок теста. На его губах заиграла невольная улыбка.

«Совсем еще ребенок».

Наступило время обеда. Одноклассники, разбившись на группки, потянулись в столовую. Линь Ци остался в кабинете один, яростно скрипя ручкой в попытке дописать злосчастный тест.

— Иди поешь, — раздался над головой низкий голос.

Линь Ци даже не поднял взгляда:

— Я не голоден.

— Раз не голоден, просто посиди со мной, пока я ем.

Рука Линь Ци с зажатой в ней ручкой замерла. Ему до боли захотелось ткнуть этим пером в локоть Мэн Хуэя. Оба они — главные герои, оба обладатели «ста баллов» от системы, но почему от этого парня за версту несло таким невыносимым желанием получить по шее? Раньше он как-то этого не замечал.

— Я не взял обед, — Линь Ци вскинул голову, решив идти ва-банк. — И денег у меня тоже нет.

***

На улице закусочных у ворот Третьей средней школы самым популярным местом была лавочка с малатаном. Хозяин выставил огромный котел прямо у входа, и пряный, острый аромат разносился далеко по округе вместе с горячим летним ветром, завлекая толпы учеников, улизнувших с уроков.

Гэ Цзяньцзюнь в одиночку занял стол, рассчитанный на двоих. Никто не осмеливался подсесть к нему. Он уплетал порцию экстра-острого супа, шумно втягивая лапшу и задыхаясь от жжения.

Тук-тук.

Крепкие, чистые костяшки пальцев дважды стукнули по столешнице.

Гэ Цзяньцзюнь уже набрал в грудь воздуха, чтобы разразиться бранью, но, наткнувшись на спокойный взгляд Мэн Хуэя, едва не подавился — недоеденная лапша скользнула обратно в миску.

Мэн Хуэй брезгливо поморщился и кивнул через плечо:

— Ты закончил.

Гэ Цзяньцзюнь не посмел возразить. Дрожа всем телом, он начал поспешно подниматься.

— погоди, — небрежно бросил Мэн Хуэй. — Миску забери. И стол вытри.

— Брат, может, я с собой возьму? — пролепетал Гэ Цзяньцзюнь.

Мэн Хуэй одарил его коротким взглядом.

— Сейчас всё уберу! — Лицо Гэ Цзяньцзюня приобрело землистый оттенок. Одной рукой он схватил миску, другой — пачку салфеток, и принялся лихорадочно стирать жирные пятна.

— Брат Хуэй, может, не будем это есть?.. — Слова Линь Ци застряли в горле, когда он увидел Гэ Цзяньцзюня. Оба замерли, вытаращившись друг на друга.

— На что смотришь? — Мэн Хуэй подал голос, и Гэ Цзяньцзюнь тут же поджал хвост. Скомкав грязную салфетку, он бросил ее в миску и собрался было ретироваться.

В тот момент, когда они поравнялись, Линь Ци заметил полный ненависти взгляд, который Гэ Цзяньцзюнь метнул в его сторону. Обида, копившаяся всё утро, требовала выхода, и в Линь Ци пробудилось капля детской вредности. Он быстро подошел к Мэн Хуэю и прошептал:

— Он сегодня называл тебя «маленьким ублюдком».

В это мгновение, без преувеличения, в душе Мэн Хуэя расцвели огни фейерверков.

Если бы он хоть немного интересовался современным сленгом или смотрел развлекательные шоу, он бы точно знал, как описать это чувство — его до крайности умилил этот жест.

Обычно такой серьезный и официальный Линь Ци вдруг уменьшился в размерах... и потихоньку «настучал» на обидчика.

Мэн Хуэй не подал виду, лишь слегка склонил голову:

— Вечером побью его.

Поначалу Линь Ци скептически отнесся к идее обедать малатаном, но стоило ему проглотить первую порцию, как аппетит чудесным образом вернулся.

Острота обжигала ноздри, на глазах выступили невольные слезы. Язык пылал, дыхание перехватывало, но в этом ощущении была какая-то странная, необъяснимая радость.

Возможно, та горечь, что скопилась в его сердце, никогда по-настоящему не исчезала. Оказавшись в этом мире, он чувствовал, как тоска по Ду Чэнъину становится всё невыносимее, не находя выхода. Линь Ци шмыгнул носом, отложил палочки и вытер глаза тыльной стороной ладони, неловко маскируя свои чувства:

— Ух, как остро.

— Посиди здесь, — Мэн Хуэй не стал его разоблачать. Он поднялся и вышел на улицу.

Линь Ци опустил руку и посмотрел вслед высокой фигуре. Ему не в первый раз казалось, что в определенные моменты Мэн Хуэй неуловимо напоминает Ду Чэнъина. Наверное, он просто слишком сильно тосковал. Заметив, что Мэн Хуэй возвращается, Линь Ци поспешно отвернулся, продолжая шмыгать носом.

Спустя мгновение он почувствовал у щеки нечто ледяное.

— Подержи во рту, станет легче, — Мэн Хуэй был очень высок и стоял перед ним, точно незыблемая гора.

Линь Ци взял мороженое и тихо проговорил:

— Спасибо.

Несмотря на то что они пришли поздно, благодаря «конфискации» места у Гэ Цзяньцзюня им не пришлось стоять в очереди, так что закончили они довольно быстро.

В школьной роще Линь Ци настороженно вцепился в воротник своей формы.

Мэн Хуэй с насмешливой улыбкой бросил:

— Снимай одежду.

Сердце Линь Ци наполнилось беспросветной печалью. Как же он скучал по тому Мэн Хуэю, который менял девушек чаще, чем рубашки! Плетью обуха не перешибешь, но он всё же попытался возразить:

— Не буду.

Мэн Хуэй лишь выгнул бровь:

— Как знаешь. — И сам стащил с себя школьную куртку.

Пожелтевшая от времени майка обтягивала крепкое тело. Рельефные мышцы на руках не выглядели чрезмерными, но в них уже чувствовалась та мощь, что превращает юношескую хрупкость в мужскую силу. Пятна света, пробивавшиеся сквозь листву, ложились на его плечи, создавая самый простой и искренний узор юности.

Линь Ци недоуменно наблюдал, как Мэн Хуэй с силой встряхивает свою куртку в воздухе. Поняв, что тот не замышляет ничего дурного, он медленно разжал пальцы на воротнике.

— Хех.

Тихий смешок заставил лицо Линь Ци вспыхнуть. Он вдруг почувствовал себя нелепо из-за своих подозрений.

***

— Кто это у нас бегал в обед за малатаном? — ворчал директор Чжан, обходя класс. Сложив руки за спиной и слегка ссутулившись, он принюхивался, водя носом из стороны в сторону.

Линь Ци едва не уткнулся лбом в парту.

Директор Чжан мгновенно определил источник запаха. Впрочем, как и весь класс.

До него уже дошли слухи о том, что Линь Ци наказали на уроке физики. Всё-таки он сам выбирал этого парня на роль старосты, и нужно было сохранить ему лицо. Директор сделал вид, что ничего не заметил, и громко скомандовал:

— Откройте окна пошире! Бегать за едой в сомнительные лавки негигиенично. Там одно пережаренное масло, а запах мешает остальным учиться. Чтобы это было в первый и последний раз, иначе я приму меры!

Только сейчас Линь Ци понял, зачем Мэн Хуэй махал курткой в лесу. Он пытался выветрить запах, но ничего не объяснил, решив поиздеваться и посмотреть, как Линь Ци будет выкручиваться.

В душе росла обида. Он отказывался верить, что такой Мэн Хуэй может питать к нему стопроцентную симпатию. Снова связавшись с системой, он потребовал проверить, нет ли ошибки в показателях.

[Ошибки быть не может. Если параметры изменятся, я тебя уведомяю,] — отозвалась Система.

«Тогда почему он так издевается надо мной?» — сокрушался Линь Ци.

[Я не объясняю тебе это не потому, что не могу, а потому, что занята просмотром фильма.]

«Уходи. Уверен, твоя симпатия ко мне тоже на нуле».

Система на мгновение замолчала, а затем медленно произнесла:

[Хочешь узнать уровень моей симпатии к тебе?]

Любопытство мгновенно взяло верх.

«Хочу».

[Твой уровень — двести пятьдесят, дуралей ты этакий. У систем нет модуля симпатии к координаторам, заруби себе на носу.]

Линь Ци лишился дара речи.

После обеденного перерыва директор Чжан всё же вызвал Линь Ци в кабинет. Он пожурил его для проформы, а затем участливо поинтересовался, не случилось ли чего дома, ведь староста в последнее время сам на себя не похож.

Линь Ци, опустив голову, пробормотал:

— Учитель, всё в порядке. Просто... семейные обстоятельства.

В частные дела директор лезть не стал. Он ободряюще похлопал Линь Ци по плечу и добавил:

— Ты как староста должен больше помогать новому ученику и проявлять к нему внимание.

Линь Ци обреченно вздохнул.

Выйдя из кабинета, он в расстроенных чувствах завернул за угол и тут же врезался в чью-то крепкую грудь. Сильные руки подхватили его, не давая упасть.

— Вечно ты не смотришь, куда идешь.

Линь Ци и не думал признаваться, что видел его — он намеренно хотел врезаться в Мэн Хуэя со всей силы.

Но кто же знал, что грудь Мэн Хуэя окажется едва ли не крепче его собственного лба. От удара у Линь Ци даже искры из глаз посыпались.

Мэн Хуэй отвел его за руку в тихий конец коридора.

Линь Ци упорно смотрел в пол, не пытаясь вырваться, но и не проронив ни слова.

— Обиделся? — Мэн Хуэй заглянул ему в лицо.

«Нужно проявить стойкость перед лицом тирана. Нужно терпеть», — убеждал себя Линь Ци.

— Я ведь просил тебя снять куртку, ты сам не захотел. Я не принуждал. Чего теперь дуться? — В голосе Мэн Хуэя слышалась явная усмешка. Он делал это специально.

Линь Ци не поддался на провокацию:

— Я не обиделся.

— Раз не обиделся, посмотри на меня.

— ...

Человек перед ним продолжал стоять, опустив голову. Мягкие пряди волос прикрывали кончики ушей, а всё его существо выражало молчаливый протест. Мэн Хуэй и сам понимал, что ведет себя скверно. Ему было тридцать пять, но рядом с Линь Ци он невольно превращался в мальчишку, которому отчаянно хотелось дразнить его, задевать... а потом любыми способами заставлять снова улыбнуться.

<http://bllate.org/book/15815/1428917>